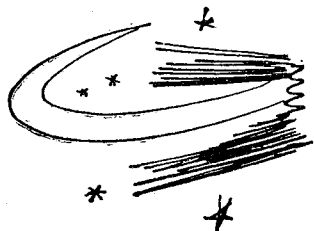

ХЕМИНГУЭЙ КОСМОСЕ

Кингсли Эмис — известный английский писатель и крупный специалист в области современной англо-американской фантастики. Советскому читателю известна его повесть «Счастличик Джим». Читателю предлагается пародия Кингсли Эмиса на стандартный американский фантастический рассказ: «как это написал бы Хемингуэй».

Женщина смотрела на него, и он проделал еще один поиск. Снова ничего не вышло, но он знал, что один из них был где-то неподалеку. Так уж получается, что вы всегда это знаете. Прохотившись двадцать лет, вы всегда знаете, когда один из них где-то неподалеку.

— Есть что-нибудь?

— Пока нет.

— Я думала, вы сразу сможете сказать, где найти этих тварей, — сказала она. — Я думала, мы наняли вас для того, чтобы вы сразу навели нас на одну из этих тварей. Я думала, для этого мы вас и наняли.

— Ну-ну, Марта, — сказал молодой человек. — Никому не дано найти ксиба там, где его нет. Даже мистеру Хардакру. Мы можем наткнуться на них в любую минуту.

Она отошла от этих троих у пульта управления, и ее бедра, обтянутые облегающими брюками, вызывающе покачивались. «Сука ты, — подумал вдруг Филип Хардакр. — Проклятая, капризная, нудная, безмозглая сука». Ему стало жаль молодого человека. Он был симпатичный парень, и он был женат на этой проклятой безмозглой суке, и он слишком боялся ее, чтобы послать ее к чертовой матери, хотя видно было, как ему этого хочется.

— Он где-то поблизости, — сказал старый марсианин, поворачивая к Филипу Хардакру более крупную и более седую из своих двух голов. — Мы скоро увидим его.

Женщина прислонилась к борту корабля и посмотрела в иллюминатор.

— Не понимаю, для чего тебе понадобилось охотиться на этих чудовищ. Эти два дня мы могли бы прекрасно провести в Венуспорте, а мы томимся в этой стальной лоханке в двух световых годах от цивилизации. Ну что хорошего в ксибе, если ты даже его добудешь? Что ты этим докажешь?

— Ксиб является крупнейшей формой жизни в этой области галактики. — Молодой человек был школьным профессором или чем-то в этом роде, и вы могли догадаться об этом по его манере разговаривать. — Более того, здесь, в свободном пространстве, это единственное существо, наделенное способностью к ощущению, и оно необычайно свирепо. Известны случаи, когда ксибы нападали на разведывательные корабли. Это самая жестокая из всех проклятых тварей, какие есть на свете, не правда ли?

— Да, пожалуй, — сказал Филип Хардакр. Так оно и было, хотя было еще и многое другое: свобода, и звезды во мраке, и люди, крошечные в своих скафандрах и испуганные, и все же смелые, и ксибы, тоже крошечные перед лицом бесконечности, и холодная радость, если ксиб попадался подходящий.

— Вот он, — сказал старый марсианин своим свистящим голосом, склоняясь к экрану меньшей головой. — Смотрите, лед.

— Не желаю, — сказала она, поворачиваясь спиной. По древним марсианским понятиям о чести это было смертельным оскорблением, и она знала это, и Филип Хардакр знал, что она знала это, и в его горле была ненависть, но для ненависти не было времени.

Он поднялся от пульта. Сомнений не было. Новичок мог бы принять этот всплеск на экране за астероид или другой корабль, но, проохотившись двадцать лет, вы распознаете сразу.

— Надеть скафандры, — сказал он. — Выход за борт через три минуты.

Он помог молодому человеку надеть шлем, и случилось то, чего он опасался: марсианин тоже достал свой скафандр и решительно втискивал в него заднюю пару своих ног. Он подошел к нему и традиционным жестом просьбы положил руку между двумя его шеями.

— Сейчас не твоя охота, Гхмлу, — сказал он на архаическом и церемонном марсианском языке.

— Я еще силен, а он большой и двигается быстро.

— Я знаю, но сейчас не твоя охота. Старики чаще бывают дичью, чем охотниками.

— Все мои глаза по-прежнему зорки, и все мои руки по-прежнему сильны.

— Но они медлительны, а они должны быть быстры. Когда-то они были быстры, но теперь они медлительны.

— Хар-даша, твой друг просит тебя.

— Кровь моя — твоя кровь, как всегда. Только мысль моя кажется злою, старик. Я буду охотиться без тебя.

— Тогда доброй охоты, Хар-даша. Я жду тебя всегда, — сказала старое существо, применив ритуальную формулу покорности.

— Будем мы стрелять в этого проклятого кита или нет? — Голос женщины был резок. — Или вы с ним собираетесь свистеть друг другу всю ночь?

Он свирепо повернулся к ней.

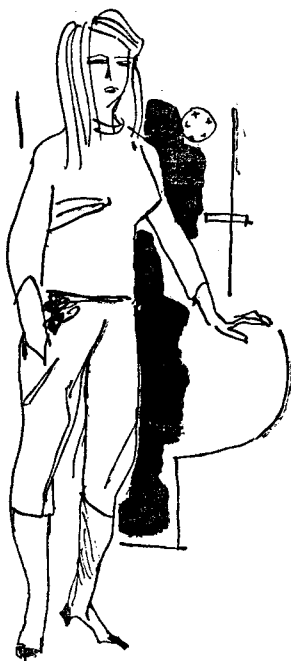
— А вы вообще не суйтесь в это дело. Вы остаетесь на борту. Поставьте этот бластер обратно на подставку, снимите этот скафандр и займитесь ужином. Мы вернемся через полчаса.

— Не смейте мне приказывать, вы, дубина. Я стреляю не хуже любого мужчины, и вы мне не запретите.

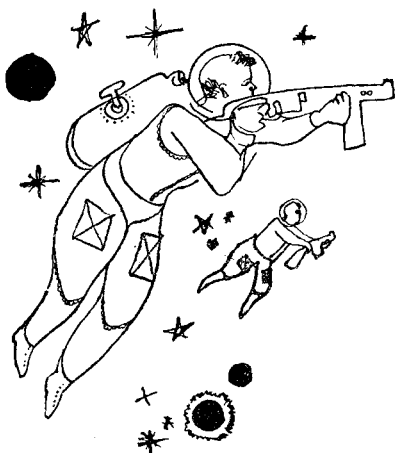
— Здесь я приказываю, кому что делать, и все меня слушают. — Через ее плечо ему было видно, как марсианин вешает свой скафандр, и в горле у него пересохло. — Если вы попытаетесь пролезть за нами в тамбур, я немедленно поворачиваю на Венеру.

— Мне очень жаль, Марта, но ты должна слушаться, — сказал молодой человек.

Два тяжелых бластера системы Уиндэма-Кларка были уже заряжены, и пока они стояли в тамбуре и ждали, он перевел оба на максимум. Затем наружный люк скользнул в стену, и они оказались снаружи, охваченные ощущением свободы, и бесконечности, и страха, который не был страхом. Звезды были очень холодными, и между звездами зиял мрак. Звезд было не очень много, и там, где звезд не было, мрак был бесконечен. Звезд

Рисунки В. НЕДОГОНОВА

ды и мрак вместе — вот что давало ощущение свободы. Без звезд или без мрака не было бы ощущения свободы, только бесконечность, но со звездами и с мраком у вас была и свобода и бесконечность. Звезд было мало, и свет их был слаб и холоден, и вокруг них был мрак.

Он сказал молодому человеку по радио:

— Вы видите его? Вон там, в направлении той большой звезды с маленьким спутником.

— Где?

— Смотрите, куда я показываю. Он нас еще не заметил.

— А как он нас заметит?

— Это неважно. Теперь слушайте. Когда он бросится, вы успеете сделать один выстрел. Всего один выстрел. Затем включайте ракеты на скафандре и летите вперед со всей быстротой, на которую вы способны. Это сбивает его с толку сильнее, чем движение вбок.

— Вы мне уже говорили.

— Я говорю вам еще раз. Один выстрел. У вас будет всего один выстрел. Приготовьтесь, он увидел нас, он поворачивает.

Гигантская прекрасная светящаяся масса сделалась узкой, когда устремилась на них, затем стала разбухать. Ксиб надвигался быстро, как все другие, которых он знал. Это был огромный быстрый ксиб и, видимо, достаточно подходящий. Наверняка можно будет сказать после первого броска. Ему хотелось, чтобы ксиб оказался подходящим, ради молодого человека. Ему хотелось, чтобы молодой человек поохотился на славу на подходящего огромного быстрого ксиба.

— Стреляйте через пятнадцать секунд, затем включайте ракеты, — сказал Филип Хардакр. — И сразу готовьтесь снова, у вас не будет много времени перед следующим броском.

Ксиб надвинулся, и молодой человек выстрелил. Он выстрелил слишком рано и слегка задел кончик хвоста. Филип Хардакр подождал столько, сколько у него хватило смелости, и выстрелил в горб, где находились главные ганглии, и включил ракеты, не успев даже взглянуть, куда он попал.

Да, это был подходящий ксиб. По тому, как стало пульсировать его свечение, можно было сказать, что он ранен в нервный узел, или что у него там есть, но через несколько секунд он развернулся и начал новый огромный прекрасный грациозный прыжок на охотников. На этот раз молодой человек выждал немного дольше, и попал куда-то возле горба, и включил ракеты, как ему было сказано. Но тут ксиб вдруг снизился, что

бывает только раз в ста случаях, и ксиб и человек оказались почти друг на друге. Единственное, что мог сделать Филип Хардакр, это выпустить из своего Уиндэма-Кларка все заряды в надежде, что потеря такого количества энергии заставит ксиба изменить направление и броситься на него. Затем он ринулся вперед на предельной скорости и приказал по радио немедленно отступать к кораблю.

— Он чем-то обдал меня, и я потерял мой бластер, — слышался голос молодого человека.

— Возвращайтесь к кораблю.

— А мы успеем?

— Мы попробуем. Видно, ваш последний выстрел изрядно повредил его, и он потерял скорость или чувство ориентировки — сказал Филип Хардакр. Он уже знал, что они пропали. Ксиб был всего в нескольких милях над ними и начинал разворот для нового броска, двигаясь медленнее, чем раньше, но все же недостаточно медленно. Корабль тоже был над ними, но в другом направлении. Вот что грозит вам каждый раз, когда вы охотитесь на ксиба, и когда это в конце концов случается, это и есть конец охоты, и конец свободы и бесконечности, но ведь должны они когда-нибудь кончиться.

Длинная струя света брызнула из корабля, и неожиданно ксиб засветился ярче, чем когда бы то ни было, и затем свечение его исчезло, и на его месте ничего не осталось.

Марсианин, скорчившись, лежал в тамбуре, и его клешни все еще сжимали третий Уиндэм-Кларк. Оба охотника ждали, пока захлопнется внешний люк и тамбур наполнится воздухом.

— Почему он не надел скафандр? — сказал молодой человек.

— Не было времени. Чтобы спасти нас, у него оставалось около минуты. Этого слишком мало, чтобы надеть марсианский скафандр.

— Что его убило? Холод?

— Пустота. Они быстро задыхаются без воздуха. Самое большее в пять секунд. Как раз достаточно, чтобы прицелиться и выстрелить.

«Да, он не был медлителен», — подумал Филип Хардакр.

В корабле их ждала женщина.

— Что случилось?

— Он погиб, разумеется. Он убил ксиба.

— Неужели для этого ему понадобилось умереть?

— На борту оставался только один бластер и только одно место, откуда можно было стрелять, — сказал Филип Хардакр. Затем его голос стал тихим. — А вы все еще в скафандре?

— Мне хотелось узнать, как в нем себя чувствуют. Но вы сказали, чтобы я сняла его.

— Почему же вы не вышли с бластером в тамбур?

Ее глаза потускнели.

— Я не знала, как отпирается замок.

— Это знал Гхмлу. Он мог отпереть его отсюда. И вы умеете стрелять, так вы говорили, во всяком случае.

— Мне очень жаль.

— Эти слова мне нравятся, — сказал молодой человек. Теперь он не был больше похож на школьного профессора, и он

больше не боялся ее. — Это самые лучшие слова, которые мне приходилось слышать. И в этих словах есть еще кое-что. «Мне очень жаль», — вот что я тебе скажу, черт тебя подери, когда брошу тебя в Венуспорте и улечу на Землю один. Тебе ведь нравится Венуспорт, правда? Ну вот, я дам тебе шанс затеряться в нем.

Филип Хардакр кончил складывать щупальца и руки на груди старого марсианина и пробормотал, что помнил из прощального приветствия.

— Прости меня, — сказал он.

— Давай ужин, — сказал молодой человек женщине. — Да поживее.

— Это была твоя охота, — сказал Филип Хардакр труп своего друга.

Перевел с английского С. БЕРЕЖКОВ